

ОТЗЫВ

официального оппонента, директора Института фундаментальных и прикладных исследований АНО ВО «Московский гуманитарный университет», доктора философских наук, доктора культурологии, профессора Костиной Анны Владимировны на диссертационное исследование Павлова Александра Владимировича на тему «Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ», представленное на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Одним из тезисов современной культурфилософии является утверждение о радикальном преобразовании культурного ландшафта, более не отвечающего тому типу, который охватывался понятием «постмодерн». Соответственно, если эпоха постмодерна утрачивает свои ведущие признаки, позволяющие атрибутировать ее именно таким образом, то и постмодернизм как философская реакция на данную социокультурную реальность, как особый язык и методология ее описания, более не актуален. Этот вопрос определяет основную интригу диссертационного исследования А.В. Павлова.

Отказ от методологии постмодернизма может вызвать сомнение уже тем, что и модернизм, и постмодернизм и постпостмодернизм укладываются в одну прогрессистскую схему, где стадии этого процесса (для того, чтобы претендовать на соответствие отражения принципиально новых особенностей социокультурной среды) априори должны обладать качественными различиями, а не темпорально-количественными. Какие же качественные признаки того, что наступила новая эпоха постпостмодерна, а постмодернизм, соответственно, утратил свою актуальность, называют авторы? – несоответствие идеалам плюрализма и свободы, не разрешение, а углубление противоречий, которые должны были быть преодолены постмодерном; доведение до пределов принципа индивидуализма, становящегося препятствием каких бы то ни было социальных связностей и реализации основных этических норм; одновременно – возврат к консервативным идеям и традиционалистским ценностям взамен эклектичной мультикультурности и

ценностного релятивизма; отказ от такого ведущего посыла постмодерна, как Хаос, который стал восприниматься не только как увеличивающий возможность вариативного развития, но и как рискогенный фактор.

Однако сходные качества были присущи и ситуации постмодерна, которая полностью воплотила тот отказ от системности, целостности, завершенности, монистичности, которые впервые обозначились как только нарождающиеся новые тенденции на рубеже XIX-XX вв. То, что было тенденцией, примерно через полстолетия в рамках постмодернизма превратилось в ведущий принцип.

Вполне закономерно, что этот принцип в самый момент своего полного воплощения оказался уже не способным в полной мере отразить новые тенденции развития мира. Именно превращение постмодернизма в 2000-е гг. из оппозиционного в общепризнанное и доминирующее в академической среде явление позволило Линде Хатчеон рассматривать его как «контр-дискурсивное», само-дискредитируемое и не способное охватить все изменения социокультурной реальности. Трансформации культурной среды – в том числе, связанные с ее цифровизацией, – и стремление их отразить породили целую совокупность концепций – таких, как «псевдомодернизм», «цифромодернизм», «метамодернизм», «реновализм», «гипермодернизм», «космомодернизм», «альтермодернизм», «диджимодернизм». На этой волне появились особые направления объектно-ориентированной философии, акторно-сетевой теории, трансмодерна.

Обилие концепций, иногда конкурирующих, иногда рядоположенных друг другу, образует структуры актуального социокультурного знания и формирует современную реальность как специфический когнитивный феномен.

Сложность этой эпистемологической ситуации, допускающей вариативность суждений о наступлении эпохи постпостмодерна, определяет *актуальность* докторского исследования А.В. Павлова как специфической - в терминологии М. Фуко - «археологии» языка описания феноменов

постмодерна и постпостмодерна. *Цель* этого исследования постулируется как критический анализ концепций, существующих внутри дискурса постпостмодернизма, для определения правомерности их претензий «на упразднение постмодерна как языка описания актуальной культуры» (с. 16).

Таким образом, содержание работы составляет не описание «продуктов» постмодернистской эпохи, а инструментов их исследования – понятийно-категориального аппарата, концептуальных и методологических основ – то есть, того, что составляет основы эпистемологии. Этот *методологический подход* представляется верным, так как онтология культуры и постмодерна и постпостмодерна чрезвычайно сложна вследствие своей поливариантности, полисемантической, зачастую – противоречивости – и безусловной неоднородности онтологического ландшафта. Эпистемологический же подход позволяет концептуализировать содержание процессов, находящих отражение в философских и социально-теоретических языках описания культурного состояния постпост-современной эпохи.

Основное содержание работы, *структура* которой выстроена в соответствии с его *целью и задачами*, представляет логичное и последовательное продвижение от анализа постмодернизма как культурного явления и рассмотрения процесса становления его теории (Первый раздел «Постмодернизм: популярная культура и социальная теория») – через осмысление «Ранних попыток преодоления постмодернизма» (Второй раздел) и определение «Новых тенденций в теории литературы и искусства как ответа постмодерну» (Третий раздел) – к синтезу идей, связанных с поздним капитализмом как постмодерном (по Джеймисону) и изменением культуры под влиянием цифровых технологий (Четвертый раздел).

Если же говорить не о структуре, а о содержании диссертации, эти разделы можно квалифицировать в рамках следующей логики: от постмодернизма как социальной теории – через постпостмодернизм как темпоральную, литературно-художественную, технизированную теорию – к постпостмодернизму в его позитивной и негативной версиях, представленных

современным капитализмом (посткапитализмом, капиталистическим реализмом).

Нужно отметить, что работа написана очень последовательно, и именно эта логичность повествования, часто сопрягающаяся с четкой временной соотнесенностью анализируемых явлений, придает ей особую убедительность.

Вместе с тем, подчас та же логика создает сеть тех референций, которые не всегда оказываются безупречными. Так, в первой главе, посвященной постмодернизму и популярной культуре, автор, рассуждая о различиях в коннотациях массовой культуры у различных исследователей, упускает – возможно, намеренно, тот факт, что все они осмысливали массовую культуру в совершенно определенных социальных и гносеологических ситуациях, и эта социокультурная опосредованность обусловила различие в содержании данного типа культуры. Так, теоретики Франфуртской школы социальных исследований, а также Х. Арндт критиковали массовую культуру как «культур-индустрию» в момент расцвета массового индустриального общества. Однако, уже в 1970-е гг. массовая культура обретает совершенно иное содержание – впрочем, как всегда, соответствующее среднему уровню ее потребителей, который за 30-40 лет существенно вырос, изменяя вслед за потребительскими ожиданиями и ее содержание. Возможно, именно это обстоятельство позволило говорить (в частности, цитируемому в диссертации Терри Иглтону) о том, что для культурной индустрии «понадобился новый термин: постмодернизм». Эта позиция Иглтона в полной мере согласуется с позицией Джеймисона, который отождествил постмодернизм с популярной культурой. Конечно, в отзыве на диссертационную работу вряд ли продуктивно оценивать идеи любых исследователей, кроме автора диссертации. Возможно, кроме тех случаев, когда они так или иначе влияют на позицию автора, который с ними солидаризируется полностью или отчасти.

Еще один важный сюжет книги связан с соотношением концепций постиндустриального общества и постмодерна. Можно поддержать автора в его утверждении о тесной связи этих парадигм, которые, отображая различные

аспекты примерно одной и той же реальности, акцентировали либо ее общественно-экономический, либо культурный аспект. Важно, что и Д. Белл, и А. Турен, и Э. Гидденс, и У. Бек, и З. Бауман и многие другие вошли в историю все же как авторы социально-философских концепций, хотя сегодня видна их близость и методологии постмодернизма, что определено значительной культурологической составляющей их сюжетов.

Удачным представляется предложенный диссертантом социально-философский взгляд на анализируемую проблему, где, говоря о соотношении постмодернизма и марксизма, автор обращается к трудам историков и философов – марксистов – прежде всего, П. Андерсона и Ф. Джеймисона. Их работы подтверждают тезис о «культурализация» левых и остаются, несмотря на существенные трансформации социокультурной реальности, эвристичными и востребованными – это касается, прежде всего, популярного языка описания культуры эпохи позднего капитализма, предложенного Ф. Джеймисоном. На данного исследователя автор диссертации ссылается многократно, в том числе, в поисках соотношений между дискуссиями о «конце» – социального, истории, идеологии, искусства – и постмодернистским социокультурным климатом, делая вывод о том, что все эти теории, несмотря на различие методологических платформ, образуют единое дискурсивное пространство (с. 115).

Такова логика рассуждений автора в **первом** разделе диссертации. **Второй** посвящен анализу теорий 1980-х гг., направленных на преодоление постмодернизма, - гипермодернизма, трансмодернизма, сверхмодернизма, постгуманизма, неомодернизма. Автор показывает, что в этих версиях акцент делается на **темпоральности**, которая приобретает симулятивный характер, окончательно утрачивая свой линейный характер и проявляя тенденцию к циклизации, сворачиванию. Эту проблему, в частности, П. Вирильо рассматривает в ракурсе «дромологии», основанной на развитии теории скорости на стыке философии, физики, политики, эстетики и урбанизма, - своеобразного дискурса, сформированного вокруг культуры массовых

коммуникаций с их «третьей константой», оторванной от констант пространства и времени.

О преодолении постмодернизма за счет переосмысления его темпоральности пишет и Ж. Липовецкий, предлагая переосмыслить создавшуюся постмодернизмом временную организацию и отказаться от разрушения прошлого. Поэтому представляются значимыми устремления автора, направленные на исследование тех закономерностей, которые связаны с преодолением темпоральности трансмодернизмом, вбирающий идеи постколониализма, и центрирующей внимание на уникальности не человека, а культурных миров – Сингапура, Китая, Японии, органично вписавшихся в глобальный мир. В определенном смысле на темпоральности основана и теория неомодернизма как критика «культы всего нового» Виктором Грауэром, и концепция постгуманизма, отказывающаяся от понятия «постмодернизм» как исторической категории и направленная на проблематизацию тематизмов, связанных с природой – экологией и климатом.

Между тем, обращение к природе оказывается в известном смысле преодолением культуры и человеческой природы как несовершенной, требующей улучшения и интеграции с техносферой. Несмотря на то, что автор правомерно различает постгуманизм от трансгуманизма, все же концепция постгуманизма принципиально отличается от всех, представленных во втором разделе диссертации. И отличается она тем, что здесь речь идет не о культуре, обществе, технологиях, политике, а о самом человеке. Не оспаривая стремление автора диссертации рассмотреть данное направление как постпостмодернистское, все же, представляется, что необходима его особая презентация и интерпретация как феномена, ставящего под сомнение не просто явления человеческого духа и творчества, возможные для различных интерпретаций, но самого человека.

Научная интрига **третьего** раздела диссертации разворачивается вокруг метафизических категорий «прекрасного», «любви», «простоты», «духовности», к которым призывают вернуться авторы концепций,

находящихся не только в позиции критики по отношению к постмодернизму, но и стремящихся в границах искусства его упразднить. В качестве одной из важных опор в исследовании А.В. Павлова выступает его объективность – стремление автора диссертации анализировать новые художественные и литературные теории, раскрывая их содержание и показывая продуктивность одних и контрпродуктивность других. Такими оказываются, к примеру, идеи альтермодернизма, фактически использующего язык, а значит и методологию постмодернизма, для его же критики. Можно поддержать автора в его утверждении о том, что все это свидетельствует об упрочении «дискурсивного поля постпостмодернизма», реализуемого и в неомодернистских манифестах, и в перформатизме, и в реновализме.

Несколько особняком, как верно показывает автор, в этом ряду находятся теории метамодернизма и космодернизма. Их отправной точкой выступают в значительной степени, причины, связанные с глобальным изменением климата, международным терроризмом, развитием цифровых технологий, которые приводят к повороту в культуре от цинизма к искренности. Однако сам манифест метамодернизма 2010 года, по мнению автора, выступает как бессодержательный и декларативный, точно так же, как идеи космодернизма, ищущего отражение социальной реальности в авангардной литературе, а потому страдающего утопизмом.

К ним примыкают и теории диджимодерна и автомодернизма, отдающие дань цифровым технологиям как условию создания нового культурного климата, который утверждает свой отказ от постмодернизма, акцентируя внимание на серьезности, вдумчивости, нацеленности, как пишет Джеймисон, на проектирование «некоторой концепции новой систематической культурной нормы» (Jameson, Frederic. *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. London & New York: Verso, 2005. С. 34).

Четвертый раздел диссертации, в значительной степени, содержит анализ тех попостмодернистских концепций, которые опираются на капиталистические теории, учитывающие совокупность социальных и

экономических порядков. Такой поворот исследования вполне закономерен, так как практически любой феномен материальной и духовной культуры в рамках актуальной эпохи включается в процесс активного социального функционирования только через экономические механизмы, будучи превращенным в товар. Эта культурная логика позднего капитализма, открытая Ф. Джеймисоном, позволила развить эту идею, как показывает автор диссертации, до логики «капиталистического реализма» в рамках теории М. Фишера и «акселерационизма» и «посткапитализма» в рамках теории А. Уильямса и Н. Срничека, как систем, направленных на генерирование радикальных социальных перемен посредством радикализации и стимуляции системы капитализма в целях его самодеструкции и саморазрушения.

Основные результаты исследования, их новизна, достоверность и обоснованность выводов определяются не только логикой изложения и серьезной аргументацией, но также значительной апробацией положений, выносимых на защиту на конференциях разного уровня участия, «круглых столах», теоретических семинарах, в материалах университетских курсов по социальной философии, философии и философской антропологии в НИУ «ВШЭ», а также в 24-х публикациях в журналах по специальности диссертации в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для опубликования основных результатов исследований, а также входящих в международные базы данных, и в 41-й иной публикации, в том числе, трех монографиях, близких теме исследования. Основным позициям автора, изложенным им в публикациях, полностью соответствует текст диссертации и автореферата, отражающего ее основные положения.

Особую теоретическую значимость результатам исследования придает проблематизация автором той научной ситуации, которая связана с постпостмодерном и достаточно убедительная аргументация изложенной в исследовании авторской концепции. Не вызывает сомнения и практическая

значимость исследования, результаты которого безусловно будут использованы в образовательной и прикладной сферах.

Общие замечания по диссертационной работе. При общей высокой оценке исследования, есть ряд вопросов, большей частью полемических, которые вызывают стремление к научной дискуссии и нуждаются в прояснении и дополнении.

1. Автор очень подробно и концептуально анализирует основные постпостмодернистские концепции в качестве «языка описания актуальной культуры» (с. 16). Действительно, язык, то есть, совокупность категорий и понятий, и образует основу любой методологии и квинтэссенцию стиля философствования. И сам автор в диссертации часто говорит – наряду с формированием нового словаря постпостмодернизма – и о сохранении в рамках новых концепций постмодернистского языка описания реальности. К сожалению, в диссертации (скорее всего, вследствие объема и плотности представленного материала) нет анализа тех ключевых трансформаций, которые произошли с самим понятийно-категориальным аппаратом в рамках постпостмодернизма. Речь, безусловно, идет не о тотальном сопоставлении двух понятийных систем, что было бы и не нужно и не уместно, но о сопоставлении ключевых, системообразующих понятий. Актуальность такого анализа состоит в том, что все представленные постпостмодернистские теории опираются на определенный набор понятий – иногда новых, иногда уже апробированных, но наделяемых, однако, новыми коннотациями. Подобная неустойчивость категориальных аппаратов данных теорий приводит к релятивизации научных понятий и несовместимости словарей и «языков описания» не только постмодернизма и постпостмодернизма, но и между самими постпостмодернистскими теориями.

2. Хотелось бы прояснить, видит ли автор в эпохе постпостмодерна особую смысловую целостность и завершенность, которую можно было бы рассматривать, несмотря на обилие установок и направлений, в качестве специфической «духовной формации»? Такую же целостность, в качестве

которой выступал модерн и даже постмодерн? Если да, то каковы атрибутивные особенности этой эпохи?

3. Хотелось бы прояснить, чем обусловлено понимание автора популярной культуры, главными чертами которой является «узнаваемость» и «известность» (с. 29), как культуры, возникающей «позже массовой», «вместе с постмодернизмом» (с. 31). Понятно, что здесь автор солидаризируется с западными исследователями и их коннотациями данного термина. Конечно, эта позиция никак не влияет на основные выводы диссертации, но она представляется дискуссионной, так как если массовую культуру принято связывать (что и делает автор) с массовым индустриальным обществом, то статусом популярного наделяется все, имеющее значительную степень распространения (как пишет сам автор на с. 29). Тогда популярная культура – это, в том числе, распеваемые погонщиками мулов терцины «Божественной комедии» Данте. Возможно, данная точка зрения сформирована под влиянием ставших уже классическими исследований Г. Гэнса и К. МакКейба, где противопоставляются популярная культура и высокая культура, что фактически означает противопоставление массовой и элитарной культуры. И эту противоречивость не снимает введение понятия «средняя культура» с ее разновидностями «культуры выше-среднего» (upper-middle culture) и «культуры ниже-среднего» (lower-middle culture). Возможно, данный вопрос отпал бы сам собой, если бы в диссертации было представлено определение, даже рабочее, понятия «популярная культура», осмыслению которой посвящен весь раздел 1.1 (а также такого понятия, как «самодельная популярная культура» - с. 142). Однако есть масса высказываний различных исследователей о феномене популярной культуры, но его авторское определение отсутствует. Думается все же, что в исследовании речь идет не о популярной, а о поп-культуре.

В итоге отметим, что все вопросы носят по преимуществу дискуссионный характер и не влияют на положительное мнение о

представленной А.В. Павловым диссертации, заслуживающей высокой оценки.

Общий вывод. Диссертация на тему «Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ» является самостоятельной, завершенной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, отвечает требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, предъявленным к докторским диссертациям, а ее автор – Павлов Александр Владимирович заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент:

директор Института фундаментальных
и прикладных исследований
АНО ВО «Московский
гуманитарный университет»,
доктор философских наук,
доктор культурологии, профессор

А.В. Костина

АНО ВО «Московский
гуманитарный университет»
111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5
тел.: +7 (499) 374-61-81
E-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

